

УДК 811.161.1' 282.3 + 811.511. 1' 282.3 + 811.161. 1' 373.21

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ В СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ АРХАНГЕЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ¹

Надежда Владимировна Кабинина

канд. филол. н., доцент кафедры русского языка и общего языкознания

Уральский федеральный университет

620083, Екатеринбург, ул. Ленина, 51. fasmer@yandex.ru

Представлено этимологическое исследование древних саамских и прибалтийско-финских метафорических топонимов, относящихся к территории Архангельского Поморья. На первой ступени анализа рассмотрены метафорические субстратные названия, для которых имеются региональные русские аналоги. На второй ступени дан анализ образных топонимов, для которых не найдено русских параллелей, и они в значительной мере отражают специфику номинативных традиций в языках субстрата. В корпусе этих названий выделено несколько семантических групп. Представленные в них субстратные топонимы не только подтверждают, но и дополняют метафорический ряд, известный по предшествующим исследованиям.

Ключевые слова: Архангельское Поморье; метафорические топонимы; финно-угорские топонимы; топонимический субстрат; этимология.

О метафорических названиях в топонимической литературе написано немало. Их фиксирует любой топонимический словарь, любое региональное исследование; образной номинации в топонимии посвящены и некоторые специальные работы (см., например: [Рут 1994; Матвеев 2006]). Вместе с тем еще недостаточно изучены древние метафоры, относящиеся к субстратному топонимическому слою, что в немалой степени связано с трудностью этимологической разработки этого класса названий. В настоящей статье мы предлагаем вниманию читателя опыт анализа и интерпретации метафор, входящих в пласт субстратной финно-угорской топонимии Архангельского Поморья – крупного севернорусского региона, прилегающего к побережью Белого моря в пределах современной Архангельской области².

Предварим этот анализ необходимыми методическими замечаниями.

Как известно, в топонимической образности разных народов наблюдается немало общего. В зонах тесных и длительных межэтнических контактов, где в течение многих столетий сближались ментальные черты и номинативные традиции народов, закономерно предполагать довольно высокую степень этой общности. Это позволяет, в частности, привлекать к интерпретации региональных субстратных названий исконно русские топонимические метафоры, используя

их в качестве ценного семантического аргумента этимологий.

Общеизвестно и то, что в топонимических метафорах может проявляться значительная этноязыковая специфика. Тем самым изучение метафорических названий Архангельского Поморья, где доминирует прибалтийско-финский и саамский субстрат (см.: [Матвеев 2004]), с необходимостью должно опираться на сведения о топонимической образности прибалтийско-финских и саамского народов. Исчерпывающих данных в этой области пока нет, однако и по имеющимся сведениям можно судить о том, что корпус саамских и прибалтийско-финских топонимических метафор в целом неэквивалентен русскому. Так, согласно исследованиям Т.Итконена, Г.М.Керта, И.И.Муллонен, А.Л.Шилова³ в саамской и прибалтийско-финской образной топонимии получают достаточно широкое отражение следующие группы апеллятивов:

– **названия частей тела человека и животных:** саам. *juelg* ‘нога’, *juelgi* ‘ножка’, *kiarnes* ‘легкие’, *kiett* ‘рука’, *kuoll* ‘семенники’, *ködds* ‘коготь, ноготь’, *milges* ‘грудь’, *n'essem* ‘пах’, *ñin^dt's'* ‘вымя’, *nooras* ‘сустав’, *pelljai* ‘ухо’, *rïõïv^A* ‘передняя часть бедра’, *t's'adeyaž'* ‘сердце’, *tshoarv* ‘рог’, *tshölm* ‘глаз’, *vuopt* ‘волос’; прибалт.-фин. *nenä* ‘нос, клюв’, *polvi* ‘колени’. В этой группе особо отметим **названия частей тела оленя:** саам. *kalla* ‘шкура на лбу оленя’, *kikker* ‘треугольная кость задней части оленьего чере-

па', *тавв*^А 'часть ноги оленя'. Разумеется, анатомические лексемы известны и в русской топонимии, однако финно-угорские метафоры – особенно саамские – в отличие от «контурных» русских, в большей степени отражают видение «внутреннего» и «малого» (ср. в связи с этим известные в поморской топонимии русские метафорические апеллятивы *голова, горло, зуб, крыло, лапа, нога, ножка, нос, пуп, рог, хвост*);

– **названия бытовых приспособлений:** саам. *kannesh* 'кувшин', *kemne* 'котел', *keylik* 'берестяной туес', *koallam, neäskim, vuetkim* 'скребок', *koibask* 'берестяной короб', *kuesh* 'короб', *k^ureit^t*^А 'горшок', *nordmas* 'пестик для толчения коры', *pastem* 'ложка'. Нетрудно заметить, что этот ряд переключается с бытовыми метафорами русской топонимии, где также немало «посуды» (ср. отраженные в поморских топонимах *горшок, ендова, корыто, котелок, крынка, рюмка, сковородка, стакан*), однако в целом лексическое наполнение ряда финно-угорских и русских метафор остается своеобразным;

– **названия предметов охотничьего снаряжения:** саам. *ahsh* 'топор', *neib* 'нож', *nodd* 'ручка топора', *pielb* 'стрела', *topp^А* 'ножны', *vietka* 'нож с кривым лезвием'; вепс. *kalz* 'затупленный топор', карел., люд., вепс. *kirves, kirvez* 'топор';

– **названия деталей упряжи и частей транспортных средств:** саам. *lāšt^А* 'боковая доска саней', *lǐēkk^А* 'задняя доска саней', *stierk* 'часть упряжи', *solksha* 'деталь кережи (саней)'.
Приведенные сведения достаточно ярко иллюстрируют не только богатство саамских и прибалтийско-финских метафорических апеллятивов, но и некоторые этнично окрашенные черты топонимического видения, свойственного финно-угорским народам. Кроме отмеченного выше внимания к «внутреннему» и «малому», в финно-угорских топонимических метафорах устойчиво отражается взгляд охотника, кочевника, оленевода, что, безусловно, должно учитываться при этимологической интерпретации образных субстратных названий финно-угорского происхождения.

В соответствии с вышеизложенными замечаниями анализ субстратного топонимического материала Архангельского Поморья представлен ниже в двух разделах. Первый раздел составляют названия, имеющие метафорические аналоги в исконно русской топонимии региона. Во втором разделе рассматриваются образные топонимы, не имеющие региональных русских аналогов, т. е. в той или иной степени отражающие специфику финно-угорских традиций образной номинации.

1. Метафорические субстратные названия, имеющие региональные русские аналоги

Капиозеро, озеро. 1) Т.И.Киришева сопоставляет это название с фин. *käpsä*, карел. *käptša* 'нога, лапа', люд. *käptš(e)* 'нога, лапа, лапы', *käpš* 'птичья лапа', вепс. *käpš* 'нога' [SSA 1: 474–475; Киришева 2006: 78]. Это сопоставление, с одной стороны, находит опору в образных русских названиях *Попова Нога* (озеро), *Лана, Ланка* (покосы). С другой стороны, этимологию Т.И.Киришевой подтверждает аналогичное название *Капиозеро*, известное в Карелии: имея ширину около 1 км, это озеро вытянуто в длину почти на 13 км, т. е. по форме действительно напоминает ногу. 2) Типологические параллели позволяют сопоставить название *Капиозеро* также с саамскими данными, ср. саам. диал. *каэпп^Е* 'коготь двупалого копыта' [KKLS: 88–89] – его диминутивной формой должно являться **каэппеэ*^Е 'коготок двупалого копыта', которое при русском усвоении закономерно дало бы *капи-*, поскольку гласный саамского диминутивного суффикса является редуцированным. Как отмечалось выше, лексемы со значением 'коготь, ноготь' известны в собственно саамской топонимии [Керт 2002: 174]; в русской топонимии они не засвидетельствованы, однако встречаются названия озер *Конинное Копыто, Копыто, Копытце*.

Кёмники, озеро ~ Прасаам. **kēmnē*, саам. диал. *kiemni, kiemni, kǐēmnē*, pl. *kiemnek* 'котел' [YS: 52–53; KKLS: 118, 1061]. В этом случае, вероятно, саамский апеллятив образно характеризует глубокое озеро с отвесными берегами – ср. русское название озера *Котелок*, которое местные жители объясняют так: «Маленькая она да глубокая, павна-то, вот Котелок и зовётся». Не исключено, что к указанному саамскому апеллятиву восходят также поморские названия *Тёмнокса* (река) и *Тёмник* (озеро) – в этих топонимах могло отразиться известное в говорах Русского Севера фонетическое колебание *к' / т'*. Ниже ср. **Кинáщ**.

Кёнъга, мыс ~ Фин., карел. *kenkä* 'обувь, сапог; подкова', люд. *keŋg* 'сапог', вепс. *keŋg* 'обувь, сапог' [SSA 1: 343; Киришева 2006: 75] – русским аналогом в данном случае является название покоса *Сапоги*. Автор этимологии Т.И.Киришева предполагает, что метафора характеризует форму самого мыса, однако, возможно, первоначально она относилась к острову *Анзер*, на котором находится мыс: этот остров по очертаниям действительно напоминает короткий сапог.

Кёпола, покос; **Кънала**, урочище истор. ~ Фин., карел. *kärälä*, люд., вепс. *käbäl* ‘лапа’ [SSA 1: 475], саам. диал. *kievrel*, *kjēɔrrel* ‘лапа’ [KKLS: 119]. Подобные образные топонимы издавна отмечаются в исконно русской топонимии Поморья – так, в веревной книге 1707 г. отмечены *Лапка полько*, *Лапочка полько* [ВК–1707: 43], а также несколько разных земельных участков, именуемых *ножками*. Русские названия покосов *Лапа*, *Лапка*, *Лапочка* известны в поморской топонимии и в наши дни; их образный характер хорошо ощущается информантами: «Выступом таким, на лапу похоже».

Киврёи, острова; **Киврукурья**, речной залив ~ Прасаам. **kevřē*, саам. диал. *kievr*, *kievre* ‘кольцо лыжной палки; кольцо; круглое грузило сети’ [YS: 48–49; KKLS: 113]. Возможно, подобная метафора отражена также в названии озера **Шьмбозеро**, основа которого соотносится с фин., карел. *sotra* ‘кольцо лыжной палки; грузило невода или сети; обруч для крепления грузил’ [SSA 3: 198]. В исконно русской топонимии Поморья рассматриваемым финно-угорским названиям приблизительно соответствует топоним *Кольца*, именующий урочище.

Кинац, порог. Местная легенда объясняет название так: «Встретились два медведя: один на одном берегу, другой – на другом, и начали кинать камнями. Там и теперь эти камни лежат, будто накинаны, потому Кинац и зовут». В действительности топоним затруднительно связывать не только с медведями, но и с русск. диал. *кинуть* ‘кидать’ [Подвысоцкий 1885: 65], поскольку структура названия слишком необычна для русского языка. На наш взгляд, *Кинац* – переосмысленный субстратный топоним, восходящий к формам диминутива саамской лексемы со значением ‘котел’, ср. саам. диал. *kiemnn*, дем. *kiemnaž*, *kiemnēš'*; *kīmn^e*, дем. *kiemnēn^dt's'* ‘котелок’ [YS: 52–53; KKLS: 118]. В русской топонимии Архангельского Поморья лексема *котел* известна в названии порога *Котёл* (р. Кожа) и омыта *Котельное* (р. Малая Онега: «Как котёл кипел в реке»); ср. также название порога *Каттилакоски* в Карелии [АРК: 110] < приб.-фин. *kattilla* ‘котел’ [SSA 1: 329] и порога *Котельня* (Кольский полуостров, р. Большая Варзуга). Соответствующая основа и в исходной форме, и в диминутиве встречается в собственно саамской топонимии, ср. названия залива *Skallⁿ-Giemna-lux^t*^(A) и холма *Kjemnisoaiwi* [KKLS: 980, 1016]. С фонетической стороны русская переработка саамского названия, заключающаяся в сдвиге ударения и упрощении группы носовых согласных, вполне естественна. Выше ср. **Кёмники**.

Ковки, часть поля ~ Фин. *koukku*, *koukka*, карел. *koukku*, люд. *kouk(ku)*, вепс. *kouk*, *kūk* ‘крюк’ [SSA 1: 414; Матвеев 2004: 41] – ср. русские названия *Крюк*, *Крюки*, которые именуют изогнутые участки местности.

Малестров, лес. Лесной массив *Малестров* значительно вытянут в длину, что позволяет сопоставить название с фин. *malja* ‘корыто для стирки’, *maljakko* ‘плоское длинное корыто для полоскания’ [SSA 2: 143]. В исконно русской топонимии Поморья подобная метафора представлена в названиях урочища *Корытки*, покоса *Корыто* («Пожня корытом така – узенька, длинная»), озера *Корытовец* («Оно наподобие корыта»). Прибалтийско-финская основа *Маль-* (< *Malja-*) нередко встречается в метафорических топонимах Карелии, ср. гора *Малья*, оз. *Малляярви*, р. *Малляоя* и др. [Муллонен 2008: 211; АРК: 69, 87] – правда, эта основа может отражать не только значение ‘корыто’, но и сопутствующее ему значение ‘чашка, миска’ [SSA 2: 143].

Няна, остров ~ Саам. диал. *nāpp^E*, *nāvpe* ‘пуп’ [KKLS: 274]. Русскими аналогами топонима в Поморье являются названия холмов *Пуп* («Возвышенное место, окружённое лесом»), *Пупец*, *Пупыш* («Высокий, как пупок»). В собственно саамской топонимии основа отмечена в названии небольшой возвышенности *Катэ-пāpp* [KKLS: 974].

Орэхкамень, участок скалы ~ Карел. *orēh*, *orih*, *orih* ‘жеребец, мерин’, ливв. *orih*, люд. *orih*, *orih*, *orēh* ‘мерин’, вепс. *orh* ‘жеребец, мерин’ [SKES: 457; Матвеев 2004: 56]. Поскольку название относится к участку скалы, оно, скорее всего, имеет образный характер, т. е. передает сходство камня с жеребцом, конем – ср. известные в Поморье русские топонимы *Конь-Камень* (группа камней), *Кони* (порог: «Там два камня, как кони»).

Соркозеро (1), озеро; **Соркозеро (2)**, озеро ~ Фин., карел. *sorkka* ‘(двупалое) копыто’, люд. *sork* ‘(двупалое) копыто, голень (нога от колена до ступни)’ [SSA 3: 202] – ср. русские названия озер *Конинное Копыто*, *Копыто*, *Копытце*.

2. Метафорические субстратные названия, не имеющие региональных русских аналогов

1) «Части тела»

Валма, луг ~ Прасаам. **vālmā*, саам. диал. *vālm*, *valme* ‘место хомута’ (часть груди оленя, где проходит хомут) [YS: 144–145], ср. русск. диал. *валмы* ‘часть груди у оленя между передними ногами, где проходит сса (хомут)’ (кольск.) [Подвысоцкий 1885: 14]. В лексике Русского Севера слово не засвидетельствовано, поэтому топоним *Валма* может иметь субстратное проис-

хождение. Вероятно, в его основе лежит метафора: «место хомута, часть груди между передними ногами оленя → промежуток, место между двумя объектами».

Вейга, река ~ Саам. диал. *vǎi^ska*, gen. *vǎiGa* ‘нижняя задняя развилка оленьего рога’ [KKLS: 730]. В связи с этой этимологией показательны русские названия двух основных притоков Вейги: *Верхняя Сухая Росстань* и *Нижняя Сухая Росстань* (< русск. диал. *росстань* ‘развилка’).

Вожзеро, озеро ~ Саам. диал. *vuoss^A* ‘матка самки животного, женщины’ [KKLS: 796]. В топонимии эта лексема может указывать на внутреннее расположение озера в системе других объектов, ср. **Нижма**.

Кянда, река, деревня – **Кяндозеро**, озеро; ср. также **Муроканда**, озеро. По поводу топонима **Кянда** Т.И.Киришева пишет: «Старое название деревни **Пнёвка** заставляет связывать топоним **Кянда** с приб.-фин. *kanto* ‘пень’ с предположением дублетного варианта с сингармонизмом переднего ряда» [Киришева 2006: 56–57] (авторы SSA указывают такой вариант, объясняя его сближением с *käntt-* ‘кусок, ком; нарост на дереве и др.’ [SSA 1: 473]). В то же время, по мнению Т.И.Киришевой, приб.-фин. **Кянда** является народно-этимологической переработкой более раннего субстратного названия, что, с нашей точки зрения, очень вероятно: во-первых, по причине семантической слабости гидронимической модели «Пнёвый», во-вторых – ввиду теснейшего саамского окружения, в котором находится гидроним **Кянда**. В качестве этимологии исходного названия для **Кянда** мы предлагаем сопоставление с саам. *kān^dt^A* ‘большая берцовая кость птицы’ (терский диалект) [KKLS: 88] – с семантико-типологической стороны ср. известные в собственно саамской образной топонимии лексемы *ta^{vp}A* ‘бедренная кость передней ноги оленя’ [KKLS: 565–566, 1020], *ri^õiv^A* ‘передняя часть бедра’, *vu^{zr}G^A* ‘нижняя часть кости передней ноги или берцовая кость (напр., оленя)’ [KKLS: 1012, 1035].

Предлагаемое сопоставление дополняет гипотезу А.Л.Шилова, который заметил, что на территории европейского севера России лексема **канда** встречается в названиях многих гидрообъектов: по мнению исследователя, она может быть связана с карел. *kanda* ‘пятка’, получающим в топонимии значение ‘залив с узким входом’ [Шилов 2003: 114]. Учитывая вышеприведенные саамские данные, можно предполагать, что подобное метафорическое значение могла иметь в топонимии и саамская лексема *kān^dt^A* ‘большая берцовая кость птицы’. В типологическом отно-

шении ср. также коми *нибель* – термин с буквальным значением «бедренная кость», употребляемый в речной гидронимии [Мусанов 2003: 71], и финский термин *olkajoki* ‘приток реки’ при *olka* ‘плечо’, т. е. буквально «плечо реки» [ФРС: 418–419].

***Кягломин** : **Кягломинка**, речка ~ Карел. *kagla, kakla*, ливв. *kaglu*, люд. *kagl(u)*, вепс. *kagl* ‘шея’ [SKES: 173]. Метафорический характер названия в данном случае подтверждают не только языковые, но и географические данные: согласно карте речка **Кягломинка** протекает по массивному мысу с очень узким основанием. Тем самым название ***Кягломин** (-мин < приб.-фин. *niemi* ‘мыс’) буквально означает «Мыс с шейей» – видимо, в том же значении основа выступает в составе карельского топонима *Kaklanieni* [Мамонтова, Муллонен 1991: 34].

Кёккура, ручей. Этот топоним можно связывать с саамскими лексемами *kicker, k'e^õk'ker-* ‘(треугольная) кость задней части оленьего черепа’, которые в саамской топонимии используются для образного именованья мысов, напр. *Kikker-jarg* (> русск. *Кегорь, Кекурь*) [KKLS: 127, 861, 979]. При такой интерпретации название ручья следует считать вторичным, возникшим на основе более раннего названия мыса или камня.

Нижма, река – **Нижмозеро**, озеро. Интересную версию о происхождении названия **Нижма** (оно известно также в Карелии) предложил А.Л.Шилов. Согласно его гипотезе русск. **Нижм** < саам. *n'essem* ‘пах’, в топонимии ‘раздвоение’ [Шилов 1999а: 65–66, 75]. Фонетически еще более близкой к **Нижм**-саамской формой является *nëasm^e* ‘пах оленя’ (сонгельский диалект) [KKLS: 276]; в то же время, поскольку дифтонг в этом слове вряд ли может быть передан русским *и*, в качестве источника для **Нижма** видится соответствующее слово другого саамского диалекта с дифтонгом *ie* (напр., кильдинского, терского). Географическое положение поморского **Нижмозера** хорошо согласуется с этой этимологией: три соседних озера здесь расположены V-образно и имеют речную связь как с Онежским берегом на западе, так и с Летним берегом на северо-востоке.

Пёллега, гора; **Пёллека**, покос; **Пельека**, покос ~ Прасаам. **peljē*, саам. диал. *pelji, pellj, piel* ‘l’, *piel* ‘l’^e, *pel'l^e*, pl. *pel'l'ek*, ‘ухо’ [YS: 100–101; KKLS: 354]. Эта основа, образно передающая форму географических объектов, неоднократно засвидетельствована в составе собственно саамских оронимов [KKLS: 1003–1004].

Пильдозеро, озеро ~ Прасаам. **pelkē*, саам. диал. *pelgi, pielg, pielge* ‘большой палец руки’

[YS: 100–101] – в топонимии, как можно предполагать, эта лексема метафорически характеризует своеобразную форму озера. Варьирование *л'з / л'д* в субстратных топонимах Русского Севера вполне обычно.

Тáпшеньга, речка. Это название, на наш взгляд, связано с саам. диал. *tāVVĕž, tāVVĕš'* – диминутивными формами от *taVV^A, taVp^A* ‘бедренная кость передней ноги оленя’ [KKLS: 565–566]. Редуцированный характер гласного второго слога в этих словах определяет закономерность их передачи русским *тапи-*, семантическое обоснование см. выше в статье к названиям на *Кянд-*.

2) «Части дерева»

Лилесъвера, ручей; **Люленьга**, речка. Вполне достоверным представляется предлагаемое Т.И.Киришевой сопоставление основы *Люл-* с фин. *lyly* ‘корень, комель’ (в топонимии – ‘верх, вершина; исток’), дополнительно аргументированное тем, что речка *Люленьга* вытекает из озер *Вершинские* [Киришева 2006: 82]. В названии *Лилесъвера* видится та же основа в иной русской передаче; формант в этом случае указывает, видимо, на озеро («Верхнее Озеро», из которого течет ручей).

Мандугаль 1, 2, 3, острова ~ Саам. диал. *tānp^(A)* ‘комель’ и *kalle', kalle* ‘скала, (большой) камень, каменная плита’ [KKLS: 85, 231]. Представляется, что первый компонент названия выступает в метафорическом значении ‘материк, берег’ (ср. ниже *Мáтигоры*), т. е. в сочетании с детерминантом основа образует тополексу, которой приблизительно соответствует русск. *бережная луда* ‘каменистый островок близ берега’ или *отрывная кошка* ‘островок, оторванный течениями от берега’; ср. семантически аналогичное саамское название острова *Mādkuošk* [KKLS: 990].

Мáтигоры (1), гора; **Мáтигоры (2)**, поле / **Мáтегоры**; **Матигóры (3)**, село. Кроме указанных поморских названий, топонимы с основой *Мати-* / *Мате-* / *Мато-* известны в других регионах Русского Севера, а также в Карелии (*Матигоры*, несколько гор *Матовара* [АРК: 34, 55, 72]). Это свидетельствует о том, что основа именует географически важную реалию. Истоки подобных названий, на наш взгляд, следует видеть в саамском языке, ср. саам. диал. *tādd^A, tād^A*, *tādda* ‘комель’ [KKLS: 231]. В лексике это слово характеризуется широким кругом семантических дериватов, в том числе географических терминов, ср. саам. диал. *таdda-jeppat* ‘материк’ (буквально «комель-земля»), *nar^G-tādd^A* ‘основание мыса’ (буквально «комель мыса») и др. [KKLS:

231–232, 295]. Таким образом, возможно предполагать, что в названии *Матигоры* – буквально «Комель-горы», как и в названии *Мандугаль* (см. выше), саамское слово со значением ‘комель’ получает топонимическое значение ‘материк, берег’.

Ница, р. истор.; **Ницы (1)**, три речки истор.; **Нíцы (2)**, группа речек; **Нич**, поле; **Нíчи**, покос; **Нíчкурья**, покос; **Нióчи**, покос. Многие из этих названий, вероятно, связаны с карел. *nyttšä* ‘кусочек, отрезок, обрубок’, люд. *niitš* ‘комель, корень, обрубок’ (~ фин. *nysä* ‘кусочек, отрезок, короткая трубка или чурка; шишка’) [SSA 2: 248]. По крайней мере, эта этимология представляется верной для речек *Ница* – все они настолько малы, что их имена не обозначены даже на километровой карте. Для топонимов на *Нич-* / *Нюч-*, именующих покосы, данная этимология фонетически и семантически также достоверна, однако в названии *Нич*, относящемся к мезенскому субрегиону, может быть отражено и к.-зыр. *нитши* ‘мох’ [КРС: 463].

3) «Небольшое продольное углубление (щель, трещина, борозда, желобок)»

Ёлокурья, речной залив ~ Прасаам. **jēlō*, саам. диал. *jiello, jiälu, jiðll, jiell* ‘щель, щелка, щелочка; трещина’ [YS: 36–37; KKLS: 59].

Мáла, речка; **Мáложма**, речка; **Мáлозеро**, озеро; **Мáлокурья**, речка. Возможности интерпретации субстратных названий на *Мал-* дает в первую очередь приб.-фин. основа *tal-*, отличающаяся значительной семантической широтой, ср. фин. *malu* ‘щель, трещина, расселина’ [SKES: 331], *malo* ‘край, конец, бок, сторона; щель, щелочка, ямка, углубление; залив, берег’, карел. *malo* ‘низкая вода’ [SSA 2: 144]. Практически все эти значения действительны для топонимии, однако названия речек, в которых основа *Мал-* особенно активна, связаны, видимо, со значениями ‘щель, щелочка, трещина, расселина’: представляется, например, что мезенскому названию речки *Мала* приблизительно соответствуют известные в Примезенье русские *Грубые ручьи* (ручьи, текущие в узких каменных разломах). На основе приб.-фин. данных, однако, не объясняется название *Маложма* – судя по финали *-жма*, оно должно интерпретироваться на саамской почве (см.: [Кабинина 2008]). В связи с этим этимологический интерес представляют саамские соответствия указанным выше приб.-фин. лексемам (даются в SSA под знаком вопроса), ср. саам. диал. *tuizlas, tuēlas, tualas, tuēlas* ‘попынья, образующаяся весной у берега озера’ [KKLS: 264]. Связать название *Маложма* непосредственно с этим значением вряд ли возможно, одна-

ко архаичность структуры топонима косвенно свидетельствует о том, что ранее семантика саамского слова могла включать и более общие смысловые компоненты, подобные прибалтийско-финским, например 'щель' (далее > 'щель между берегом и нарастающим льдом на озере, полынья', ср. подобное семасиологическое соответствие в приоб.-фин. *vana* 'узкая длинная щель; след, полоса; русло реки; полынья' [SKES: 1631–1632; Мамонтова, Муллонен 1991: 100]). В конечном итоге название *Маложма*, содержащее, на наш взгляд, указанную саамскую основу и диминутивный суффикс *-жм-*, должно буквально толковаться как «Щелочка / Трещинка», в топонимии – «Маленькая речка», что соответствует физико-географическим характеристикам Маложмы, составляющей в длину около 25 км.

Ўрехмина, покос; *Ўрехручей*, ручей ~ Фин. *uurre*, ливв. *uur(r)e*, *uurreh* 'колея; промоина; борозда; желобок; насечка и др.' [SKES: 1565; Матвеев 2004: 118].

Хёлка, протока – *Хёлкозеро*, озеро. Фонетически точным соответствием названию протоки *Холка* является фин. *holkka* 'желобок', ср. также фин. *halkeata* 'трещина, расселина' [ФРС: 89]. *Холка* – весьма незначительная протока, что подтверждает этимологию с географической стороны.

4) «Инструменты и их части»

Кирвасова река, река истор.; *Кёрвозеро*, озеро / истор. *Кирво озеро* ~ Фин., карел., люд. *kirves*, вепс. *kirvez*, *kervez* 'топор' [SSA 1: 373] – в типологическом отношении ср. карельские топонимы *Кирвесвара*, *Кирвеслахти*, *Кирвасозеро* и др. [АРК: 47, 108; Муллонен 2008: 79]. По предположению И.И.Муллонен, в заонежском названии *Кирвасозеро* апеллятив указывает на сходство формы озера с лопастью топора – в нашем случае, как можно судить по картам, аналогичный топоним называет озеро, имеющее крупный залив в форме лопасти топора.

Кобксемена, покос ~ Фин. *koksa*, карел. *kokša* 'мотыга', люд. *kokš* 'сучковатое дерево для просушки сетей, подпора с развилиной наверху', вепс. *kokš* 'мотыга' [SSA 1: 388] (*-мена* < приоб.-фин. *niemi* 'мыс'). Ср. русское название камня *Рогачок*: «Рогачок камень такой, у него три зуба».

Сёрбозеро, озеро ~ Фин. *sorppa* 'зубец остроги, вил и т. п.', карел. *šorppa*, *išorppa* 'разветвление, развилина; ножка; шип, зубец', люд. *šorp* 'зубец остроги, вил и т. п.', вепс. *šorp* 'шип, зубец, сучок; (двупалое) копыто' [SSA 3: 202].

Хамарнаволок, покос ~ Фин., карел. *hamara*, люд. *hamar(o)*, вепс. *hamar* 'обух' [SSA 1: 135–136; Киришева 2006: 49], ср. название острова

Лехтихамара в Финляндии [АРК: 72]. В составе онежского топонима этот апеллятив, вероятно, образно характеризует массивный тупой мыс.

5) «Части рыболовных снастей»

Пула, остров истор.; *Пулонец*, остров ~ Фин. *pullo* 'поплавок сети, удочки', карел., люд. *pullo*, вепс. *pulo*, *pulu* 'поплавок невода или сети' [SSA 2: 423].

Цыгломень, район Архангельска / истор. *Чилоним*; *Шыгломина*, покос ~ Фин. *siula* 'крыло невода', карел. *šikla*, *šigla*, *šigla*, *sikla*, ливв. *siglu*, *sigli*, *šiglu* 'голова невода; передняя часть невода', люд. *sigl* 'крыло невода' [SKES: 1048–1049; Шыгломина: Матвеев 2004: 121], ср. также название залива *Сиклалахти* в Карелии [АРК: 74]. Как можно предполагать, топонимы данного типа возникли либо на основе прямой метафоры (мыс / залив, схожие по форме с крылом невода или его передней частью), либо на основе более сложного метафорического развития: «крыло / голова невода → угол, конец → мыс / залив» (*-мень* / *-ним*, *-мина* < приоб.-фин. *niemi* 'мыс'). Начальный *ч* в названии *Чилоним* указывает на то, что создателями топонима были носители неизвестного ныне субстратного языка, близкого к прибалтийско-финским.

6) «Части упряжи оленя»

Кобнепаньга, озерный залив. Вторая часть этого названия может быть сопоставлена с саам. диал. *rāñg*, *rañge* 'олений хомут' [KKLS: 327] = фин. *ranka* 'ручка, дужка; олений хомут', карел. *ranka*, люд., вепс. *pang* 'ручка, дужка' [SSA 2: 307]. Значение этой лексемы подсказывает этимологию первой части: в ней можно видеть хорошо известную в собственно саамских топонимах основу *konde* 'дикий олень' [KKLS: 138, 981–982]. Изменение фонетического облика основы может объясняться различными причинами: диэрезой взрывного *д*, трансформацией *нд* – *нг* – *н* или переосмыслением топонима в среде русского населения. Название, таким образом, должно буквально истолковываться как «Олений хомут» – в именовании озерного залива эта метафора кажется органичной.

Лямца, река, деревня / истор. также *Ламца* ~ Прасаам. **lāmčē*, саам. диал. *lāmž*, *lamža*, 'ремень, вожжа' [YS: 66; KKLS: 199–200]. Т.И.Киришева связывает название с приоб.-фин. *lätmin*, *lät*, *l'ät* 'теплый' [Киришева 2006: 69], однако эта этимология недостаточно обоснована с фонетико-морфологической стороны.

7) «Детали транспортных средств»

Тóростель, протока. Первую часть этого составного названия можно связывать с прасаам. **tōrēs*, саам. диал. *toaris*, *toaras* 'поперек' [YS: 138–139; KKLS: 600]; вторая часть соотносится с

саам. диал. *tel'li* 'скамья в лодке' [KKLS: 581]. Таким образом, тополексема буквально означает «Поперечная скамья лодки». По всей видимости, соответствующее слово было известно в прошлом в саамских диалектах Поморья и получило метафорическое отражение в топонимии для указания на «поперечную» протоку (в русской традиции подобным объектам нередко дается название *Перечка*).

Подведем некоторые итоги.

Прежде всего, поморский материал достаточно определенно иллюстрирует соотношение общего и различного в русской и финно-угорской образной топонимии. Из 63 субстратных топонимов Поморья, квалифицируемых нами как метафорические, 14 имеют точные или близкие региональные русские аналоги. В то же время три четверти образных субстратных названий (49 топонимов) таких аналогов не имеют, что вновь возвращает нас к мысли о том, насколько значимо в топонимических исследованиях внимание к этноязыковой специфике материала.

Из более частных наблюдений в первую очередь отметим, что в субстратной топонимии Архангельского Поморья представлены практически все группы финно-угорских метафорических апеллятивов, известные по предшествующим исследованиям и названные в предварительных замечаниях. Думается, по результатам данной работы состав этих групп можно дополнить. Так, ряд «анатомизмов», которые в целом наиболее многочисленны, может быть пополнен апеллятивами, имеющими значения 'развилка оленьего рога', 'бедренная кость ноги оленя', 'копыто', 'берцовая кость птицы', 'матка', 'большой палец руки'. В другие группы могут быть включены лексемы со значениями 'ремень, вожжа', 'мотыга', 'обух', 'поплавок', 'крыло / голова невода', 'поперечная скамья лодки'.

Особо следует сказать о двух группах метафорических апеллятивов, которые не названы в предварительных замечаниях, но вполне определенно выявляются на материале поморской субстратной топонимии.

Первую из этих групп образуют апеллятивы, обозначающие части дерева: прежде всего лексемы со значением 'комель, корень', которые в оронимии получают значение 'берег, материк' (см. *Мандугаль, Матигоры*), а в гидронимии – 'исток реки' (см. *Лилесъвера, Люленьга*). Это же значение 'комель, корень' или сопутствующее ему 'обрубок, отрезок, чурка' устойчиво отражается на топонимическом уровне в именовании очень маленьких речек и покосов (см. *Ница, Нич, Ничи, Нючи*).

Вторую группу составляют апеллятивы, обозначающие небольшое продольное углубление, т. е. известные в общеязыковых значениях 'щель, щелочка', 'трещина', 'борозда', 'желобок' и т. п. Как можно судить по нашим материалам, в топонимии подобные лексемы получают значение 'маленькая речка, протока' (см. *Ёлокурья, Мала, Урехручей, Холка*).

Отмеченные для обеих групп семасиологические связи достаточно устойчивы, т. е. проявляются во многих примерах, что позволяет и в дальнейшем использовать их для этимологических реконструкций.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

² Топонимы, которые рассматриваются в статье, засвидетельствованы в картотеке полевых записей Топонимической экспедиции УрГУ и картотеке исторических топонимов Русского Севера, собранной сотрудниками кафедры русского языка и общего языкознания УрГУ.

³ Приводимый в статье ряд апеллятивов, отмеченных в саамской и прибалтийско-финской образной топонимии, выявлен и систематизирован автором на основе целого ряда работ названных исследователей, см.: [Керт 2002: 145–167; Муллонен 2002: 25, 66; Муллонен 2008: 79; Шилов 1999а: 108; Шилов 1999б: 70; KKLS: 127, 196, 209, 455, 565, 607, 640, 912, 983].

Список литературы

АРК – Республика Карелия: Общегеографический региональный атлас. М.: Изд-во ЦЭВКФ, 2002. 167 с.

ВК–1707 – Веревные и разрубные книги Северного края. Веревная книга 1707 г. // *Летопись занятий археографической комиссии за 1902 г.* СПб.: Сенатская тип., 1905. Вып. 15. С. 1–166.

Кабинина Н.В. О происхождении топоформанта *-жма/-зьма* в субстратной топонимии Русского Севера // *Вопр. ономастики.* 2008. № 5. С. 105–108.

Керт Г.М. Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 356 с.

Киришева Т.И. Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории Онежского полуострова: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2006. 145 с.

- КРС – Коми-русский словарь / под ред. проф. В.И.Лыткина; М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. 923 с.
- Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991. 158 с.
- Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2004. Ч.II. 369 с.
- Матвеев А.К. Образное народное видение и проблемы этимологической интерпретации топонимов // Матвеев А.К. Ономатология. М.: Наука, 2006. С. 112–132.
- Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 356 с.
- Муллонен И.И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008. 241 с.
- Мусанов А.Г. Потамонимы Республики Коми // Прибалтийско-финское языкознание: сб. ст., посвящ. 80-летию Г.М.Керта. Петрозаводск, 2003. С.68–79.
- Подвысоцкий А.О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Имп. АН, 1885. 197 с.
- Рут М.Э. Образная ономастика в русском языке: ономастиологический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1994. 553 с.
- ФРС – Финско-русский словарь / под ред. В.Оллыкайнен и И.Сало. М.: Рус. язык, 1975. 813 с.
- Шилов А.Л. К стратификации дорусской топонимии Карелии // Вопр. языкознания. 1999а. №6. С. 100–114.
- Шилов А.Л. Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М.: Наука и техника, 1999б. 100 с.
- Шилов А.Л. Географические реалии и топонимические этимологии (на примере топонимии Русского Севера) // Вопр. языкознания. 2003. №1. С. 109–118.
- KKLS – Koltan- ja kuolanlapin sanakirja / Itkonen T.I. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1958. 1236 p.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa I–VII / Y. Toivonen, E. Itkonen, A. Joki, S. Tanner, M. Cronstedt. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1974–1981. 2293 p.
- SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3 / Erkki Itkonen päätoimittaja. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000.
- YS – *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989. 180 p.

- Дополнительные условные сокращения**
- вепс. – вепсский язык
 - диал. – диалектное слово
 - истор. – исторический топоним или историческая форма топонима
 - карел. – карельский язык
 - к.-зыр. – коми-зырянский язык
 - ливв. – ливвиковский диалект карельского языка
 - люд. – людиковский диалект карельского языка
 - прасаам. – прасаамский язык
 - приб.-фин. – прибалтийско-финские языки
 - русск. – русский язык
 - саам. – саамский язык
 - фин. – финский язык
 - dem. – диминутив (уменьшительная форма слова)
 - gen. – генитив (родительный падеж)
 - pl. – множественное число

METAPHORICAL PLACE NAMES IN SUBSTRATE TOPONYMY ON THE TERRITORY OF ARKHANGELSK POMERANIA

Nadezhda V. Kabinina

**Reader of Russian Language and General Linguistics Department
Ural Federal University**

In the article etymological research of the ancient Lappish and Baltic-Finnish metaphorical place names of Arkhangelsk Pomerania is presented. At the first step of the analysis the author considers metaphorical substrate names for which there are regional analogs in Russian. At the second step the author analyses metaphorical toponyms which do not have analogs in Russian, thus, most of them reflect specificity of nominative traditions in the substrate languages. In the corpus of the names several semantic groups are allocated. The substrate toponyms, presented in the corpus, not only confirm, but also supplement the metaphorical place names got in the previous researches.

Key words: Arkhangelsk Pomerania; metaphorical toponyms; Finno-Ugric toponyms; toponymical substrate; etymology.